

Чжан Чжаохэ не погиб сразу после падения со скалы. Его доставила в больницу машина скорой помощи, где после целого дня реанимации и экстренной трепанации черепа из-за кровоизлияния в мозг старик впал в глубокую кому.

То ли дело было в том, что он всегда слишком трепетно относился к своему здоровью, то ли в чем-то ином, но даже с множественными переломами он всё ещё цеплялся за жизнь. Лечащий врач лишь разводил руками: состояние оставалось вегетативным, и было неясно, сохранилось ли у пациента сознание. Прогнозы были туманными — никто не знал, очнется ли он когда-нибудь.

У Чжан Чжаохэ не осталось родственников, а те, кого он считал друзьями, при первых же признаках бури предпочли скрыться, стараясь держаться как можно дальше. Больница, оказавшись в тупике, была вынуждена вызвать руководство с его прежнего места работы.

Ректор Университета А, скрепя сердце, явился для дачи показаний, но вел себя крайне уклончиво. Он наотрез отказался брать на себя ответственность, мотивируя это тем, что бывший подчиненный больше не является сотрудником вуза. Из соображений гуманности ректор оплатил счет за операцию, но как только речь зашла о последующем содержании пациента в ОИТ, он тут же нашел предлог и поспешно ретировался.

В подобных обстоятельствах больница не могла вечно держать за ним койку. Им оставалось лишь спасти человека, а затем молча наблюдать, как он медленно угасает без надлежащего ухода.

Однако не успели каталку выкатить из отделения, как на счета финансового отдела поступила сумма от группы «Высокая башня». В примечании к платежу значилось: организация готова оплачивать пребывание Чжан Чжаохэ в общей палате до последнего дня его жизни.

Разумеется, обычная палата не могла обеспечить тех стерильных условий и уровня аппаратуры, что были в реанимации. К тому же пациенту предстояло делить пространство с другими больными, слушая шум их разговоров и суету родственников — обстановка, которая никак не способствовала восстановлению.

Фактически это означало лишь одно: ему дали возможность медленно ждать смерти. Больница попыталась возразить, указывая, что такое существование без качества жизни превратится в пытку, но группа «Высокая башня» проигнорировала эти замечания.

Официальное расследование по делу Люйиньшуй также подошло к концу. Лю Таньчжи и стоящая за ней маркетинговая компания были признаны виновными в клевете и организации массовой травли в сети. Суд постановил конфисковать все незаконно полученные доходы, а саму женщину приговорил к двум годам тюремного заключения.

Она признала вину по всем пунктам и не стала подавать апелляцию. Однако она наотрез отказалась давать показания против Хань Цзяна, утверждая, что тот не заказывал ей «черный пиар». Лю Таньчжи настаивала, что действовала исключительно из корыстных побуждений и собственной жажды славы.

Ли Байшоу воспользовался моментом, чтобы подать на развод. Он потребовал, чтобы жена ушла из семьи ни с чем, и отказался разделять с ней бремя судебных выплат. Лю Таньчжи, измотанная физически и морально, не стала спорить в зале суда. Она лишь бросила на него исполненный презрения взгляд и подписала все бумаги. Впрочем, закон оказался милосерднее: суд всё же выделил ей долю имущества, оставив возможность начать жизнь с чистого листа.

Именно в зале суда Ли Байшоу узнал о существовании твинков Лю Таньчжи в социальных сетях. В профиле каждого из них в графе «о себе» значилась одна и та же фраза:

«Мужчина умирает за того, кто его ценит»

В ресторане кантонской кухни было шумно. Цзянь Фу азартно расправлялся с раками.

— Тратить на него хотя бы лишний юань — это чистое безумие! — он с явным недоумением ворчал на Ли Жуна.

Староста неспешно подцепил палочками ломтик бамбука и загадочно улыбнулся.

— Если бы он просто взял и умер, я был бы крайне разочарован.

«Только оставаясь живым, можно в полной мере прочувствовать вкус поражения, боли и безнадежности. Только жизнь дает возможность хоть немного искупить содеянное зло»

Цэнь Сяо молча подложил в тарелку Ли Жуна паровой пельмень с говядиной и морковью. Юноша, едва заметив характерный оранжевый цвет начинки, тут же отправил его обратно в миску Цэнь Сяо. Тот лишь страдальчески вздохнул.

Линь Цинь, уплетая рукколу с винегретом, спросил:

— Староста, а до каких пор вы с Цэнь Сяо собираетесь изображать вражду?

Все присутствующие за столом замерли, словно внезапно очнувшись от сна. И верно: в глазах общественности Ли Жун и Цэнь Сяо до сих пор были на ножах, а институт «Хунсо» и палата «Ланьшу» продолжали обмениваться колкостями.

Цзянь Фу беззаботно пожал плечами.

— Да какая разница? Противников-то больше нет, перед кем спектакль разыгрывать?.. Будешь раков на пару?

Он протянул Линь Циню очищенное мясо, демонстративно покручивая его перед самым носом парня.

Линь Цинь, чуть нахмурившись, осторожно взял угощение, макнул в соус и проглотил. Было вкусно, но не шло ни в какое сравнение с раками в чесночном соусе. Юноша мечтал о сольном концерте и в последнее время активно посещал спортзал, так что строгая диета была неизбежна.

Цзи Сяочуань, облизнув палочки, вставила свое слово:

— Не скажи... Вы так убедительно играли, что людям будет трудно поверить в ваше примирение.

— Я не тороплюсь, — Ли Жун усмехнулся. — В конце концов, у меня нет привычки выставлять свои чувства на всеобщее обозрение.

Цэнь Сяо вопросительно вскинул бровь.

— Вот как?

Сам-то он был совсем не прочь открыто прогуляться со своим старостой по университетскому кампусу.

Ли Жун вскинул на него взгляд и кивком указал на тарелку:

— Ешь свою морковь сам, даже не думай впихнуть её в меня.

Цэнь Сяо пришлось подчиниться. Пельмени были отличными, и вкус моркови в них почти не чувствовался, но Ли Жун был к ней патологически чувствителен. У него вообще было много таких «пунктиков», которые попеременно то восхищали, то ставили начальника группы в тупик.

Проглотив пельмень, Цэнь Сяо со вздохом заметил:

— Но нам действительно нужно что-то придумать. Моя мама постоянно места себе не находит, боится, что я и впрямь тебя обижаю.

Он еще в самом начале объяснил ей, что всё это — лишь игра, чтобы Ли Жун мог быстрее закрепиться в группе «Высокая башня». Но до Сяо Мужань то и дело доходили слухи о том, как Цэнь Сяо публично унижает старосту, а порой, поговаривали, и вовсе распускает руки.

Материнское сердце не знало покоя. Сяо Мужань то и дело пыталась издалека наставить сына:

— Раз это спектакль, не заигрывайся слишком сильно.

— Говорят, ты засунул приглашение Ли Жуну под одежду... Тебе не кажется, что это перебор?

— В студенческих чатах пишут, что ты ведешь себя с ним очень грубо. У тебя тяжелая рука, он не пострадал?

— Теперь, когда Хань Цзян пал, а Чжан Чжаохэ в коме, может, закончите этот цирк? Иногда затянувшаяся игра может испортить даже самую крепкую дружбу.

— Дружбу, — Цзянь Фу подцепил это слово и, расплывшись в довольной ухмылке, отправил в рот паровое свиное ребрышко в рисовой муке. — Чуть не забыл: у вас ведь впереди еще одно препятствие. Что скажут дядя Цэнь и тётя Сяо, когда узнают, что вы двое... кхм!

Ли Жун вскинул бровь и с деланным недоумением парировал:

— А тебе... это препятствие преодолевать не придется?

Цзянь Фу застыл. Его уши мгновенно вспыхнули пунцовым, а сам он почувствовал себя так, словно его заперли в раскаленной сауне под пристальным взглядом Ли Жуну.

Линь Цинь, подавившись рукколой, прикрыл рот рукой и тихо закашлялся.

— Есть тут мянмяньбин? Хочется чего-нибудь сладкого.

Ли Жун невинно улыбнулся и, быстро сменив тему, легонько подтолкнул Цэнь Сяо в плечо, требуя десерта. Он придерживался прежнего мнения: Линь Цинь и Цзянь Фу еще слишком молоды. Не стоит спешить и рвать эту тонкую пелену неопределенности — пусть себе пребывают в этом уютном тумане двусмысленности.

Полгода спустя

На официальном сайте центральной больницы «Цзяцзя» появилось сообщение: вторая фаза

клинических испытаний Люйиньшюй завершилась успехом. В настоящее время ведется подготовка документов для ускоренной регистрации препарата. Как только разрешение будет получено, производственные мощности будут расширены, чтобы навсегда покончить с бактериальной прогерией.

Группа «Высокая башня» собралась на свое третье общее собрание. На этот раз Цзян Вэйдэ отсутствовал из-за заграничной командировки, и заседание вел Ли Жун как руководитель проекта GT201.

Он только что покинул лабораторию и даже не успел снять белоснежный халат, лишь небрежно закатал рукава, открывая тонкие запястья.

— Коллеги, за последнее время нашу группу изрядно штормило. Произошло немало постыдных событий, но, к счастью, нам удалось вовремя навести порядок и избежать непоправимых последствий.

Подлинно непоправимых последствий действительно удалось избежать — по крайней мере для группы, ведь почти всю тяжесть удара на себя приняла семья Ли.

Слова начальника группы означали, что он не винит коллег за их излишнее доверие к Чжан Чжаохэ. Такое великодушие заставило пожилых ученых облегченно вздохнуть.

— Однако это повод для рефлексии. Методы, которыми руководствовался Чжан Чжаохэ, были предвзяты и продиктованы личной выгодой. Он умело манипулировал вашими чувствами, раздувая конфликты, чтобы за чувством коллективной гордости вы не заметили правды. Когда Люйиньшюй поступит в свободную продажу, бактериальная прогерия рано или поздно исчезнет, а сам препарат уйдет с рынка. Огромных прибылей он не принесет. Но я не считаю, что ученые должны быть аскетами. Использовать свои знания для получения достатка — это честно и правильно. Группа «Высокая башня» и институт «Хунсо» продолжат создавать инновации. К сожалению, затянувшаяся вражда с Объединенной палатой «Ланьшу» лишила нас множества ресурсов. Это была досадная трата сил.

Юноша сделал паузу.

— Мы обсудили это с профессором Цзяном и решили пойти на сотрудничество с «Ланьшу» на взаимовыгодных условиях. Мы объединим ресурсы и восполним пробелы друг друга. Бизнесу больше не придется разрываться между двумя огнями. Кодекс сотрудничества обеспечит максимальную защиту ваших интересов, можете быть уверены. Церемония подписания соглашения пройдет при посредничестве отряда «Призрачный глаз» Девятого района...

Ли Жун не успел закончить фразу — в дверь конференц-зала трижды отчетливо постучали. Члены группы недоуменно переглянулись.

Начальник группы тоже посмотрел на дверь, но в его взгляде читалось спокойствие — он явно

ждал этого визита. Дверь медленно отворилась, и на пороге появился Сюй Вэй.

Он выглядел измотанным дорогой, под глазами залегли глубокие тени, а рядом стоял массивный дорожный чемодан. Казалось, он примчался сюда напрямиком из аэропорта. Сюй Вэй неловко потер ладони и поправил полы коричневого пальто. Он бросил скованный взгляд на бывших коллег, попытался что-то сказать, но слова застряли в горле. В итоге он просто уставился на Ли Жуна.

Тот приветственно кивнул и негромко произнес:

— Друзья, позвольте представить вам профессора Сюй Вэя.

Конечно, все присутствующие знали его в лицо — видео, в котором он разоблачал Чжан Чжаохэ, каждый посмотрел не по одному разу. Именно его слова стали последним гвоздем в гроб репутации старика.

В человеческой душе всегда идет борьба света и тени, и коллеги не знали, как относиться к этому возвращению. Сюй Вэй откашлялся. В его усталом взгляде сквозила вина.

— Раньше я совершил немало ошибок, следуя за Чжан Чжаохэ. Я предал доверие профессора Ли, вступив в сговор со злом, и заплатил за это высокую цену. Я уже не молод и всё же... я хотел бы вернуться к работе. Здесь, в Университете А, мой дом, мои близкие. За границей всё иначе, там было слишком душно. Я благодарен Ли Жуну за этот шанс...

Договорив, Сюй Вэй с волнением посмотрел на Ли Жуна. Тот вертел в руках микрофон, опустив глаза. Его лицо оставалось беспристрастным.

Сердце профессора ушло в пятки. Он понимал, что не имеет права ничего требовать. Ли Жун однажды уже протягивал ему руку помощи, но тогда он побоялся выступить против Чжан Чжаохэ. И только когда стало ясно, что враг повержен окончательно, он поспешил присоединиться к хору обвинителей. Таких перевертышей презирали везде, и в научном сообществе страны ему, по идее, больше не было места.

Но Ли Жун предложил ему еще одну попытку. Для Сюй Вэя это была единственная надежда, и он, не раздумывая, бросил всё, уволился из зарубежного вуза и помчался в исследовательский институт «Хунсо». Впрочем, он подстраховался — официально он еще числился за границей на случай, если здесь его не примут.

Но он не ожидал, что Ли Жун выведет его прямо на собрание группы, заставив предстать перед судом совести своих коллег. Под тяжестью десятков взглядов Сюй Вэй уже был готов бежать.

И тут Ли Жун заговорил. Он поднял глаза на профессора и, чуть улыбнувшись, мягко спросил:

— Как ты меня назвал?

Сюй Вэй на мгновение опешил, но тут же всё осознал. Он сглотнул, облизал пересохшие губы и громко произнес:

— Начальник группы Ли! Я прошу принять меня в ряды «Высокой башни»!

В тот день стояла чудесная погода. Небо было пронзительно синим, без единого облачка. Церемония подписания соглашения между Объединенной торговой палатой «Ланьшу» и исследовательским институтом «Хунсо» проходила в отеле «Семь звезд».

На встрече присутствовали семь действующих председателей «Ланьшу», исполняющий обязанности директора «Хунсо» Цзян Вэйдэ, начальник группы «Высокая башня» Ли Жун и начальник группы «Призрачный глаз» Цэнь Сяо.

Цзянь Чанли легонько толкнул Цэнь Цина локтем, скосив взгляд на сидящего напротив Ли Жуна. Цэнь Цин нахмурился.

— Ты чего толкаешься? — прошептал он.

— Начальник группы «Высокая башня»... Гляди-ка, — Цзянь Чанли почти не шевелил губами.

Цэнь Цин лишь коротко хмыкнул:

— Вижу.

— А ведь у наших парней отличный нюх. Не прогадали с выбором, — Цзянь Чанли довольно прищурился. — После того как мы наладим связь с инфоцентром «Хунсо», мой Первый район сэкономит уйму денег.

— К Третьему району это почти не относится, — холодно отозвался Цэнь Цин.

В «Хунсо» действительно не было отделов, специализирующихся на экспорте, так что основную выгоду получали Первый и Четвертый районы. Ху Юймин от счастья буквально светился.

Но Цзянь Чанли было не остановить.

— Да брось ты! Это же связи твоего сына, разве нет? «Ланьшу» и «Хунсо» враждовали вечно, и это первый шаг к миру. «Призрачный глаз» сейчас в кольце врагов, и

безоговорочная поддержка «Высокой башни» — это мощнейшее оружие в руках Цэнь Сяо. Я всегда говорил: этот парень необычайно дальновиден. Он разглядел в Ли Жуне потенциал еще в школе и заранее обеспечил себе такую поддержку.

Цэнь Цин скептически взглянул на приятеля.

— Ты серьезно веришь, что он еще в старших классах предвидел, что Ли Жун возглавит группу «Высокая башня»?

— А почему бы и нет?

Цэнь Цин лишь хмыкнул:

— Даже я не рискнул бы так льстить собственному сыну.

В этот момент массивные двери зала распахнулись, впуская поток свежего воздуха. Легкий ветерок шелестнул полами одежды присутствующих, заставив всех обернуться.

В зал вошел Цэнь Сяо в сопровождении Гэн Аня и Юй Фуяня. Одетый в безупречный черный костюм, он выглядел подчеркнуто спокойным и уверенным. Гулкий ритм его шагов по мраморному полу разносился по всему залу. Его взгляд скользнул по знакомым лицам и в итоге замер на Ли Жуне.

В отличие от строгого стиля Цэнь Сяо, Ли Жун был одет подчеркнуто повседневно: белая футболка, поверх которой была накинута светло-голубая рубашка. Он небрежно закатал рукава, подперев подбородок ладонью и чуть склонив голову набок. Несколько прядей волос мягко коснулись шеи.

Председатели «Ланьшу» и Цзян Вэйдэ поднялись со своих мест, отдавая дань уважения главе «Призрачного глаза». Ли Жун тоже встал. Рукава рубашки под собственным весом сползли вниз, скрыв кисти рук и оставив на виду лишь длинные белые пальцы.

Он с мягкой улыбкой посмотрел на Цэнь Сяо. В его глазах светилась нежность. Когда начальник группы поравнялся с ним, Ли Жун негромко произнес:

— Начальник группы Цэнь.

Цэнь Сяо остановился. В его зрачках отразилась мимолетная лукавая искра, промелькнувшая во взгляде Ли Жуна. Солнечный свет из панорамных окон заливал зал, золотя волосы юноши.

— Давно не виделись, начальник группы Ли, — произнес Цэнь Сяо, подавляя в себе волну нежности, и протянул ему руку.

Ли Жун приподнял уголки губ. Его прохладные пальцы коснулись теплой ладони Цэнь Сяо. В момент соприкосновения их захлестнуло чувство близости, которое было ярче любого солнечного света.

— Да... Целую вечность не виделись.

Весна входила в свои права, наполняя сердца трепетом. С момента их последней встречи прошло всего семь часов.

<http://bllate.org/book/15351/1575615>